

Андрей Федотов, Павел Успенский

КАК Н. А. НЕКРАСОВ НАУЧИЛ РОССИЮ ЛЮБИТЬ ЗВЕРЕЙ? «ДЕДУШКА МАЗАЙ И ЗАЙЦЫ» В СВЕТЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КРИТИКИ¹

В статье анализируются два главных аспекта хрестоматийного детского стихотворения Н. А. Некрасова «Дедушка Мазай и зайцы» (опубл. 1871 г.) — педагогический и экологический. Как показано в работе, история спасения зайцев во время весеннего половодья задумывалась как наглядная иллюстрация экономически перспективной модели отношения социальных элит к русским крестьянам. Однако созданная история оказалась настолько яркой и необычной, что хозяйственный аспект затмила экологическая проблематика. В статье доказывается, что адресованное детям стихотворение было одним из первых экологических текстов в русской литературе, предложившим новый тип отношения к диким животным. Экологическая модель Некрасова сформировалась в диалоге с разнообразными дискурсами эпохи (школьным, биологическим, охотничьим). Именно в качестве стихов о «любви к меньшим братьям» произведение поэта и вошло в литературный канон, однако, как мы показываем в заключительном разделе статьи, его смыслы заметно упростились, а его находки в области поэтики очень быстро стали использоваться детскими писателями, в результате чего «Дедушка Мазай» оказался лишь одним из многих текстов о гуманном отношении к животным.

Ключевые слова: Н. А. Некрасов, русская литература XIX в., «Дедушка Мазай и зайцы», литература и идеология, животные в литературе, экологическая критика, аллегория, поэтика, дискурсивный анализ, охота, детская литература, литературный канон

Андрей Сергеевич Федотов, МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, МГУ-ППИ, Шэньчжэнь, КНР, anfedor86@icloud.com

Павел Федорович Успенский, Школа филологии Национального исследовательского университета «Высшая школа филологии», Москва, puspenskiy@hse.ru

«Дедушка Мазай и зайцы» (первая публикация — «Отечественные записки», 1871, № 1) — одно из самых известных и каноничных стихотворений Н. А. Некрасова, которое до сих пор входит в школьную программу. Дети знакомятся с ним в младших классах. Трогательная история о том, как деревенский чудако-охотник, «дедушка» Мазай спасает во время весеннего половодья тонущих зайцев, как нельзя лучше для русской педагогической практики иллюстрирует важность гуманного отношения к животным. Конечно, «бережное отношение к природе» в «Дедушке Мазе» — трюизм для выпускника русской школы. Но до сих пор не было исследовано, ни как это «бережное отношение» было сконструировано из дискурсов эпохи, ни как оно стало общим местом. К тому же экологический пафос стихотворения был для Некрасова не единственным и не главным. В первую очередь «Дедушка Мазай» должен был научить читателей другому: человечному отношению к русским крестьянам и одновременно — экономически выгодной модели взаимодействия с ними. Однако хорошо известная работа литературного канона по упрощению смыслов текстов привела к тому, что «Дедушка Мазай» стал трактоваться как текст о любви к природе и заботе о животных. Этот сдвиг был закономерен: используя взаимодействие человека и природы в качестве иллюстрации перспективных социальных и экономических отношений, Некрасов трансформировал и синтезировал ряд дискурсов, затрагивающих проблемы отношения к окружающему миру.

Приступая к этому тексту, важно помнить, что выраженные в нем представления о человеке и природе сложно соотносятся как с биографией Некрасова, так и с его взглядами. Известно, что Некрасов был страстным охотником и — ребенка это может удивить! — убивал десятки зайцев за одну охоту. Как публицист он высказывался в пользу регламентации и общей гуманизации охотничьих практик, опасаясь необратимых природных изменений (исчезновения диких зверей). Как поэт — создал «Дедушку Мазая» — многоплановый текст, сочетающий беспокойство охотника с традиционными вопросами, волнующим русского демократа.

Надо отметить, что о стихотворении Некрасова было написано не так много, и исследователи в основном размышляли о литературной составляющей текста. Так, А. С. Немзер возводил «Дедушку Мазая» к жанру баллады в изводе Жуковского [Немзер 2011, 448, 450]². Наиболее последовательное прочтение текста принадлежит В. В. Головину. Опираясь на интертекстуальные связи произведения — исследователь показывает связь «Дедушки Мазая» с русским

фольклором и с «Приключениями барона Мюнхгаузена», — автор пришел к выводу, что в Мазе Некрасов создал особого героя:

Он близок по своему амплу к сказочному «дураку», шуту, и именно поэтому, в силу своей «отличности», шутовскому поведению он и выполняет, как и его сказочные и литературные прототипы, нравственный долг — спасает обреченных зайцев <...> Текст четко определяет репутацию Мазая — балагура, альтруиста, несколько странного в своей охотничьей страсти — не добытчика, а забавляющегося охотой, порскальщика, склонного пошутить с нечестью, лирика природы, русифицирующего анекдоты Мюнхгаузена [Головин 2014, 227, 230]³.

Стройная концепция Головина, подразумевающая связь «Дедушки Мазая» с фольклором, позволила проинтерпретировать несколько характерных мест стихотворения. Так, изменение ритма — переход на раешный стих в напутствии Мазая спасенным зайцам — объясняется связью сюжета о деревенском чудаке с балаганными балагурами и зазывалами. Абсурдная характеристика героя — «вдов он, бездетен, имеет лишь внука» [Некрасов III, 106]⁴, — в свою очередь, толкуется в ключе фольклорной сказки-небылицы, для которой такая паралогика вполне типична. В таком свете доброй небылицей предстает и вся история спасения тонущих зайцев.

Заметим, однако, что эта игривая фольклорная стилизованность адресована не всем читателям текста, а лишь взрослой аудитории, способной понять интонации и шутки балагура как сигнал нереальности истории в целом. Адресный читатель «Дедушки Мазая», ребенок, должен был воспринимать эту историю иначе — как реальную или, как минимум, возможную. Возьмемся утверждать, что именно так дети и понимают стихотворение, в противном случае оно иллюстрировало бы для них не самоотверженную любовь к животным, а что-то другое — например, юмористическую, бодрую, жизнелюбивую натуру русского крестьянина, его способность фантазировать смешные и абсурдные небылицы. Иными словами, между «фольклорным» и «реалистическим» режимами чтения «Дедушки Мазая» нет реального противоречия, но эти режимы закреплены за разными частями аудитории Некрасова. Если мы хотим разобраться в том, что именно поэт хотел сказать своему читателю-ребенку, знание о фольклорных источниках текста может сбивать с толку.

В статье мы попробуем свежим взглядом рассмотреть прагматику «Дедушки Мазая», имея в виду читателя, который верит

рассказанной истории, а также попробуем распутать дискурсивные нити, из которых соткан Некрасовский шедевр и проследить историю тиражирования и банализации его находок у детских писателей, шедших за Некрасовым.

О чем говорить с детьми? «Дедушка Мазай» в координатах педагогической мысли

Центральный сюжет «Дедушки Мазая» встроен в рамочную композицию: нарратор-охотник в компании крестьянина Мазая «бьёт дупелей», приятелей застает дождь, они прячутся в сарае, где Мазай рассказывает разные истории из охотничьего быта. Одна из них, оформленная в виде прямой речи крестьянина, образует вторую часть стихотворения. В ней подробно рассказано, как Мазай во время сильного весеннего половодья поехал на лодке собирать дрова (молевой сплав), но вдруг увидел зайцев, спасающихся от воды на островках, бревнах и пнях, и решил их спасти. Крестьянин собирает несчастных животных в свою лодку и перевозит на берег. Самых ослабевших он берет домой и ухаживает за ними, а затем отпускает с напутственным словом. Человек в лодке в окружении зайцев — картина настолько необычная, что она едва ли эмблематически не заменила в культурной памяти само произведение. Этот факт подчеркивается поразительно стабильным иллюстративным рядом: начиная с первого издания детских стихов Некрасова отдельной книгой в 1881 г.⁵ и до сегодняшнего дня художники воспроизводят эту сцену (Рис. 1-3).

Хотя «Дедушка Мазай» адресован детской аудитории (см. обращение нарратора: «Дети, я вам расскажу про Мазая»), имплицитный читатель произведения — не каждый ребенок. Текст стихотворения сам по себе недвусмысленно указывает на свою аудиторию — «просвещенных» детей богатых родителей. Об этом сигнализируют два фрагмента. Описывая половодье в деревне Мазая, Некрасов сравнивает буйство стихии с венецианской *acqua alta*:

Всю эту местность вода понимает,
Так что деревня весною всплывает,
Словно Венеция.

Знание о Венеции — составная часть кругозора скорее образованного городского ребенка, который знает об итальянских городах-культурных центрах, а не крестьянского ребенка, у которо-

Рис. 1. Иллюстрация Михаила Клодта к изданию: Некрасов Н. А. Некрасов русским детям. СПб., 1881

го было мало шансов узнать о городе на воде. В другом фрагменте текста бросается в глаза ремарка нарратора:

Впрочем, милей анекдотов крестьянских
(Чем они хуже, однако, дворянских?)
Я от Мазая рассказы слыхал.

В этом фрагменте «дворянские анекдоты» лингвистически маркированы как известные адресату, и именно по отношению к ним определяется специфика «анекдотов крестьянских» — тех охотничьих историй, которые рассказал Мазай в первой части стихотворения. Текст, таким образом, обращается к читателю, которому дворянские анекдоты хорошо известны, и это едва ли деревенский школьник.

Исторически конкретный читатель «Дедушки Мазая», по всей видимости, совпадал с имплицитным. Только отдельные группы детей 1870-х гг. — дворянские дети и дети обеспеченных городских слоев (чиновники, буржуа, просвещенные купцы), которые умели читать и потенциально были приобщены к книжной культуре — составляли аудиторию текста. Сельские школы в 1860–1870-е гг. обеспечивали лишь первичные навыки чтения и восприя-

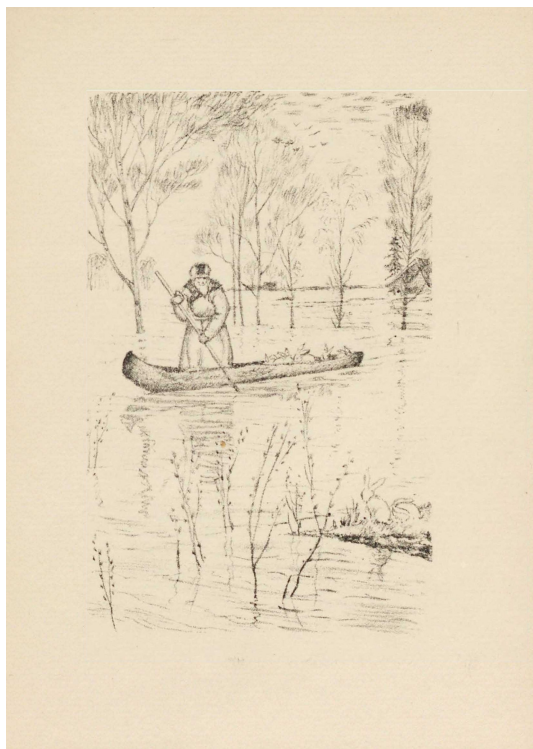

Рис. 2. Иллюстрация Бориса Кустодиева к изданию: Некрасов Н. А. Шесть стихотворений Некрасова / Рис. Б. Кустодиева. СПб.: Аквилон, 1922

тия несложных текстов [Brooks 2003, 35–58]. Вообще, как известно, в эту эпоху круг чтения большей части крестьян и мещан в основном ограничивался церковнославянской азбукой, иногда расширяясь за счет богослужебных и житийных текстов, лубочной и рукописной словесности, а также за счет художественной литературы [Кравецкий, Плетнева 2001, 33–34; Рейтблат 2009, 133–145].

Поскольку текст имел ясную социальную адресацию, в нем возникает сейчас плохо уловимая, но вполне отчетливая прагматика: он рассказывал просвещенным детям о не вполне привычном мире. Даже если реальный читатель имел возможность наблюдать жизнь деревни, социальные и сословные границы не позволяли ему пережить опыт крестьянина как свой собственный. Поэтический текст отменял эти границы и приглашал ребенка в несколько эк-

Рис. 3. Иллюстрация Виктора Бирюкова к изданию: Некрасов Н. А. Дедушка Мазай и зайцы. Ростов-на-Дону: Азчериздат, 1935

зотический и лишь отчасти знакомый мир русский деревни, давал возможность увидеть его изнутри.

Такого рода детское просвещение не было редкостью в то время. Диалектика межсловных отношений оказалась в центре педагогических полемик 1860-х гг., эпохи, когда в новых пореформенных условиях возникла необходимость заново обнаружить объект педагогического воздействия, ответить на вопрос, кого и чему мы учим. Настойчивые попытки крупных представителей русской культуры непосредственно поучаствовать в школьном образовании свидетельствуют о поиске ответа на вопрос: каков же настоящий русский школьник? Прежде всего, нужно вспомнить опыт Л. Н. Толстого, устроившего в начале 1860-х гг. деревенскую школу и преподававшего в ней (см. подробнее: [Эйхенбаум 2009, 395–409]). Некрасов

тоже поучаствовал в открытии и содержании школы в родной Ярославской губернии в 1860–1870-е гг., хотя, в отличие от Толстого, не преподавал детям [Красильников 2002, 262–267; Летопись II, III, по указателю на «Абакумцево»]⁶.

Функционирование этих и других школ поддерживалось специальной педагогической литературой. В пореформенные годы были составлены образцовые хрестоматии К. Д. Ушинского «Детский мир» (1861) и «Родное слово» (1864); к опытам хрестоматий обратились также И. И. Паульсон, П. Е. Басистов и многие другие (см. подробнее: [Вдовин, Лейбов 2013]). Хотя в 1860-е гг. детская литература находилась еще в «предгорьях» своих будущих вершинных достижений, уже в это время возникли — помимо ряда недолговечных изданий (как толстовская «Ясная Поляна», выходящая в 1862 г.) — такие журналы, как «Семейные вечера» (1864–1891), «Детское чтение» (1869–1906), позже — «Семья и школа» (1871–1888). Они предлагали читателям не только педагогические, обращенные ко взрослым, статьи, но и детские произведения, говорящие с ребенком на одном языке.

Педагогический «бум» поставил вопрос о том, что и как можно и нужно рассказывать детям. К моменту публикации «Дедушки Мазаю» педагоги и просветители уже согласились с тем, что адресованные детям тексты не должны содержать прямого поучения. Такие взгляды продвигались еще на рубеже 1830–1840-х гг. В. Г. Белинским, который советовал избегать морализма, потому что занимательные истории воздействуют на воображение ребенка и помогают ему самостоятельно прийти к нравственным выводам [Белинский II, 366–378; IV, 68–109]; см. также: [Сергиенко 2015].

Отказ от прямого поучения не исчерпывал проблему содержания — что именно должно считаться детским чтением и в какой мере ребенок должен сталкиваться с проблемами взрослых в предназначенных ему произведениях (см. подробнее основательное исследование: [Лучкина 2021]). Радикальная позиция в 1860-е гг. заключалась в том, чтобы не делать большого различия между взрослой и детской литературой, а то и отменить последнюю. Для них книги для детей отличались не содержанием, а подачей материала. Так, Д. И. Писарев считал, что

...специально детская литература всегда и везде составляет и будет составлять одну из самых жалких, самых ложных и самых ненужных отраслей общей литературы. <...> Здоровое общество всегда порождает здоровую литературу, а здоровая литература одинаково полезна

для всех грамотных людей, без различия пола, возраста и состояния. <...> В ученических библиотеках детские книги совершенно неуместны <...>. Какие же книги должны входить в состав ученической библиотеки — произведения лучших беллетристов и критиков, русских, французских и немецких, описания замечательных путешествий, исторические сочинения и популярные книги по всем отраслям естествознания [Писарев 2003, 442–446].

А педагог и революционер Н. В. Шелгунов в 1868 г. планировал создать для детей сочинение «Очерки из истории труда», основываясь на работах Томаса Мальтуса, Адама Смита и др., т. е. считая возможным излагать в детской литературе политэкономические теории [Шелгунов, Шелгунова, Михайлов 1967, 219]. Странники радикальных педагогических взглядов стремились как можно скорее познакомить ребенка с острыми социальными проблемами современности и превратить его в носителя передовых идей, будущего агента общественных изменений.

Хотя Некрасов не участвовал в спорах об образовании и не имел последовательной педагогической позиции (или не афишировал ее), его творчество было созвучно идеям радикальных интеллектуалов. По сути, поэт взял на себя поэтическое оформление политических идей прогрессистов в текстах о детях и для детей. Вспомним о двух хрестоматийных примерах — стихотворении «Железная дорога» (опубл. 1865) и поэме «Дедушка» (1870). В обоих текстах герой, взрослый человек, знакомит юного собеседника с миром труда и лишений. В «Железной дороге» нарратор-попутчик, преодолевая сопротивление отца, рассказывает Ванюше о настоящих строителях дороги, фактически впервые показывает ему этих несчастных, обманутых и лишенных права голоса людей. В «Дедушке» вернувшийся из ссылки декабрист воспитывает внука рассказами о непосильной работе и бедствиях крестьян, причем он не ограничивается только описаниями, но и предлагает программу помощи деревне. В финале декабрист находит Сашу готовым к разговору даже о политических репрессиях [Некрасов II, 168–172; Некрасов IV, 110–122]⁷. Несложно заметить, что Некрасов воспринимает детей как серьезных собеседников, и в его поэтическом дискурсе они становятся адресатами политических посланий и будущими агентами идеологических и социальных изменений.

В обоих текстах видна установка Некрасова: изменения социального и политического устройства России возможны благодаря активному участию привилегированных членов общества. Взрос-

люю элиту убеждать в необходимости изменять жизнь вокруг не имеет смысла (ср. с отцом Ванюши в «Железной дороге»), а вот ее дети открыты для гуманного просвещения. Если они усвоят уроки поэта и его героев и сформируют свое мировоззрение под влиянием его историй, жизнь в стране скоро может улучшиться без революционных потрясений⁸. Некрасов, по сути, предлагал понятную эволюционную модель, в рамках которой элиты несут ответственность за жизнь страдающего большинства и постепенно улучшают ее.

Хотя в «Дедушке Мазае» политическая программа не эксплицирована, явная соотнесенность текста как с педагогическими дискуссиями эпохи, так и с собственными просветительскими установками Некрасова побуждает искать политическое содержание и в этом тексте. Рассмотрим, какой именно смысл должен был привлечь ребенок из «Дедушки Мазая».

*Спасение зайцев как спасение народа: рациональная экономика
«Дедушки Мазая»*

Герой-крестьянин в центре литературного текста, разумеется, не был новинкой ни для русской литературы 1870-х гг., ни тем более для Некрасова. Русские писатели с 1840-х гг. вырабатывали поэтические и этнографические инструменты для репрезентации угнетенных и лишенных голоса сословий [Вдовин 2024]. Отмена крепостного права породила множество дискуссий о судьбах народа и подтолкнула литературу к более интенсивной разработке проблематичной темы. Голос Некрасова в 1860-е гг. стал одним из важнейших — напомним только о масштабной эпопее из крестьянской жизни «Кому на Руси жить хорошо», фрагменты которой публиковались с 1866 г. [Ogden 2013]. Картины деревенской повседневности в *детском* стихотворении, таким образом, не были неожиданностью. Понятно, что юный читатель должен был испытать симпатию к чудаковатому Мазая, полюбить его находчивость, оценить рассказы и проникнуться его любовью к живым существам. Однако это только первый план некрасовского замысла.

В свете очерченных выше радикальных взглядов «Дедушка Мазай» предстает текстом, задача которого — встроить в детское сознание актуальные идеи. С нашей точки зрения, история о спасении зайцев должна была научить будущего буржуа и помещика новому и эффективному отношению к сельской жизни и крестьянам, привить выгодную модель взаимодействия с ними. Для достиже-

ния этой цели текст задействовал символические и аллегорические механизмы.

Несмотря на добрый характер истории, она разворачивается в мрачных декорациях. Весенний паводок — не просто неприятный эпизод жизни деревни, но и момент природного кризиса, массовой гибели диких животных. Односельчане Мазая пользуются наводнением и убивают множество зайцев, которые не могут убежать: «...бегут мужики, / Ловят, и топят, и бьют их баграми. / Где у них совесть?..» Картины бедствия, таким образом, дополнены жестокостью, к которой ребенок должен отнестись с осуждением.

Безжалостным крестьянам противопоставлен чудаковатый дедушка Мазай, который, наоборот, великодушно спасает зайцев, собирая их в лодку⁹. Принципиально важно, что его поведение обусловлено не стремлением защитить природу, а хозяйственным и экономическим интересом. Мазай, как подчеркнуто в финале текста, вовсе не отказывается от охоты на зайцев, но считает весенний паводок неподходящим для охоты временем:

Я проводил их всё тем же советом:

«Не попадайся зимой!»

Я их не бью ни весной, ни летом,

Шкура плохая, — линяет косой...

В словах Мазая очевиден хозяйственный расчет: животное рассматривается им не как объект защиты, а как ресурс, которым в других обстоятельствах можно воспользоваться более эффективно (например, получить хорошие шкуры).

Мы бы не хотели преувеличивать рациональность Мазая: герой явно выключен из традиционных крестьянских хозяйственных практик, ведет необычный образ жизни, а его охота — это не столько промысел, сколько страстное увлечение («Дня не проводит Мазай без охоты. / Жил бы он славно, не знал бы заботы, / Кабы не стали глаза изменять»). По всей видимости, ружейная охота Мазая не приносит ему большой выгоды.

Вместе с тем Некрасов конструирует Мазая не только как страстного чудака-охотника, но и как своего рода теоретика социального блага, рассуждающего о том, какое поведение более рационально экономически. Поэт вкладывает в уста героя соображения о том, что действия его односельчан неэффективны именно по экономическим соображениям. Начало рассказа о спасении зайцев Некрасов открывает генерализованными соображениями Мазая о популяции диких животных и о причинах ее сокращения:

В нашем болотистом, низменном крае
Пятеро больше бы дичи велось,
Кабы сетями ее не ловили,
Кабы силками ее не давили;
Зайцы вот тоже, — их жалко до слез!

Современному читателю в этой цитате бросается в глаза чувство жалости к животным. Его мы обсудим позже, а пока обратим внимание, что за этой жалостью стоит конкретная программа. Из слов героя вытекает, что следование охотничьим правилам могло бы увеличить для крестьян объем конечного продукта — заячьих шкур и мяса. Мысли Мазая, очевидно, направлены на то, чтобы разумно и выгодно (в его представлении) эксплуатировать окружающую природу. В этом аспекте поведение односельчан во время паводка вдвойне неправильно: оно и жестоко, и экономически неадекватно. Мазай же исходит не только из индивидуалистической логики собственного процветания (поддержание популяции зайцев обеспечивает ему интересную охоту и удовлетворит его страсть), но и из представлений о коллективном благополучии своего «края».

Вопреки фольклорной странности Мазая, его можно назвать разумным природопользователем, для которого животные ценны не только как равноправные обитатели края, терпящие бедствие вместе с людьми, но и как объекты капитализации. В таком контексте чувство жалости амбивалентно: оно одновременно выражает и сочувствие страдающим живым существам, и скорбь от вида гибнущего товара, который в иных обстоятельствах принес бы прибыль. Эти составляющие не противоречат, а дополняют друг друга.

Детское стихотворение Некрасова, таким образом, встраивалось в дискуссии о природопользовании, которые велись уже в николаевскую эпоху. В частности, тогда возник так называемый «лесной вопрос» — споры о допустимой мере использования и нормах эксплуатации лесов и их богатств, сокращение которых чревато хозяйственным и природным кризисом [Costlow 2013, 81–115; Pravilova 2014, 55–92]. На примере крестьянина, который является естественным носителем бережной программы отношения с окружающим миром, Некрасов предлагал читателям модель эффективной эксплуатации природных ресурсов.

Экокритика как парадигма подталкивает нас видеть в истории о Мазае и зайцах и другую, не выраженную прямо инструкцию: она предлагала будущему обладателю власти и капитала отнестись к Мазаю и к другим крестьянам так же, как сам охотник-спасатель

отнесся к зайцам. Отношения *человек—животное*, как показывают исследователи, отражают взгляды человека на самого себя и на общество. Соответственно, говоря о животных, люди неизбежно говорят о себе. Изменение отношения к «братьям меньшим» синхронны и подчас гомогенны изменениям в отношениях между группами внутри общества [Helfant 2018, XVII–XXII; Fudge 2002, 3–18]. Уже основываясь на этом, мы можем прочитывать «Дедушку Мазая» как историю об отношении не к животным, а к людям есть и другой аспект. В социальной структуре имперской России параллелизм между сословием крестьян и «меньшими братьями» был более четким. Отличительная черта крестьянина — это отсутствие собственного голоса; он — представитель безмолвного большинства, за которого даже в пореформенной России говорят другие — писатели, просветители, чиновники. Именно по этому параметру крестьяне близки к априорно безмолвным обитателям природного мира. Если держать в уме такое сопоставление, то можно несколько парадоксально сказать, что в «Дедушке Мазая» настоящие крестьяне это не столько Мазай (наделение которого языком делает его уникальным и позволяет элитарному читателю с ним идентифицироваться), сколько молча терпящие бедствие зайцы.

В некоторых других текстах Некрасова конца 1860 — начала 1870-х гг. из цикла стихов, «посвященных русским детям» («Дядюшка Яков», «Пчелы», «Генерал Топтыгин», «Соловьи»), обнаруживаются похожие смысловые конфигурации, когда на примере взаимодействия с окружающим миром текст демонстрирует правильную модель отношения к крестьянам. Так, «Пчелы» — история о помощи насекомым: небольшое вмешательство человека в ситуации стихийного бедствия спасает их от массовой гибели, и эта помощь выгодна для крестьян. В стихотворении «Соловьи» изображена забота сельских жителей о соловьиной роще, которая наполняет их жизнь красотой. Аллегорически оба стихотворения транслируют идею помощи крестьянам и заботы о них, причем в финале «Соловьев» сопоставление природного и крестьянского миров прямо проговаривается: «А если б были для людей / Такие рощи и полянки, / Все на руках своих детей / Туда бы отнесли крестьянки...» [Некрасов III, 112]. В отличие от этих стихов «Дедушка Мазай» устроен сложнее.

Экокритический ракурс позволяет видеть в истории Мазая аллегорию идеи, что гуманность не обязательно основывается на самопожертвовании и альтруизме. Наоборот, сюжет подталкивал к мысли, что гуманное отношение к другим включает и эгоистический

расчет. Текст сигнализировал о том, что чувство жалости является естественной реакцией на любое бедствие, причем сама эмоция не противоречит логике капитала: она может способствовать его приумножению, сопровождать эффективное занятие хозяйством. Иными словами, «Дедушка Мазай» мог учить ребенка простой мысли: 'благополучие подопечных выгодно прежде всего тебе'. Необходимо только понять, что в некоторых случаях немедленное потребление стоит отложить, и эта мера со временем улучшит благосостояние потребителя. Подобно тому как Мазай не уничтожает зайцев во время весеннего половодья, но при этом готов добывать хорошие заячьи шкуры зимой, не стоит пользоваться бедственным положением крестьян для немедленного обогащения.

Наши выводы идут вразрез с более традиционным прочтением текста, предложенным, например, в работах Головина: если он трактует Мазая как страстного охотника и любителя анекдотов, не склонного к рационализации собственного опыта, то мы, основываясь на сюжете истории (спасение зайцев) и на мыслях героя (соображения о процветании края), обнаруживаем — в духе эко-критики — социально-аллегорический план стихотворения.

Объяснение скрытого плана «Дедушки Мазая» позволяет вернуться к отмеченной выше оппозиции *Мазай vs крестьяне*. За ней стоит противопоставление двух хозяйственных моделей — рациональной и спонтанной. Спонтанная модель основана на немедленном потреблении, и в большой временной перспективе она невыгодна, так как ведет к оскудению и обнищанию «края». Рациональная модель, предполагающая и эмоциональное соучастие, и экономический расчет, представлена, наоборот, выгодной и перспективной. Но ее урок не только в этом. Мазай в глазах односельчан выглядит чудачком и маргиналом. Он как будто не способен оценить свою выгоду и занят чрезвычайно странным делом: «Было потехи у баб, ребятишек, / Как прокатил я деревней зайчишек: / „Глянь-ко: что делает старый Мазай!“». Ироничный и снижающий внешний взгляд вводится нарратором для того, чтобы читатель оценил действия Мазая вопреки мнению других людей. За этим, как мы полагаем, стоит простая воспитательная идея: 'не бойся казаться маргиналом и идти против общественного мнения, если такое поведение может реально изменить положение дел'.

Если наше прочтение справедливо, то можно пойти дальше в область поэтики текста: необходимость сделать Мазая маргиналом подталкивает Некрасова к поиску поэтических ресурсов для изображения такой маргинальности в крестьянской среде, и здесь

на помощь поэту приходит фольклор. В рамках народной словесности маргинальность выражается через чуждость, через ту самую небывалую анекдотичность в духе Мюнхгаузена, о которой пишет Головин. Социальная маргинальность в фольклоре не имеет другого выражения: отщепенец, вышедший за рамки традиционного представления о чем бы то ни было, всегда представляется как человек с абсурдным или парадоксальным мышлением, как рассказчик небылиц или их персонаж. Однако если для Головина фольклорность Мазая — финальная точка объяснения, то для нас фольклорность ведет в аллегорический план текста. Между аллегорией и фольклором нет существенного противоречия.

Хозяйственные и социальные идеи Некрасова близки к тем, которые за несколько лет до «Дедушки Мазая» были предложены Н. Г. Чернышевским в романе «Что делать?» (1863). Мы имеем в виду теорию «разумного эгоизма», которая в романе подается как замечательный экономический план для прогрессивных разnochинцев (см. подробнее: [Паперно 1996]). Некрасов расширяет область применения этой теории, моделируя в детском воображении желательные способы взаимодействия с реальностью. Теория «разумного эгоизма», кроме прочего, снимает противоречие между стремлением Мазая обеспечить себе интересную и постоянную охоту и его намерением улучшить положение родного края. Точно так же Вера Павловна существенно улучшает жизнь швей, работающих в ее мастерской, субъективно руководствуясь стремлением наполнить собственную жизнь комфортом и благополучием.

Хотя те аллегорические смыслы, которые ребенок должен был увидеть в «Дедушке Мазая», сейчас не кажутся сложными, стоит помнить, что они не были распространены во второй половине XIX в. Смысловая интенция некрасовских стихов заключалась в том, чтобы юные представители элит отказались от спонтанной экономической модели: она настолько же неэффективна, насколько повсеместна. Корни этой модели следует искать в крепостном праве, в отношении к крестьянам как к бесконечно возобновляемому ресурсу. В крепостных зачастую не видели эффективной составляющей капитала и жестко их эксплуатировали. После отмены крепостного права условия освобождения по-прежнему позволяли помещикам «выжимать» из крестьян всю возможную прибыль «здесь и сейчас», не заботясь о благополучии земледельцев, выгодном в долгосрочной перспективе¹⁰. Стихи Некрасова предлагают обратное.

Социально-политический план текста поддерживается его символикой. Центральная часть сюжета — эпизод, в котором Мазай

везет в лодке зайцев (Рис. 1-3), — отсылает к традиционной метафоре политической власти. Герой предстает кормчим, ведущим свою команду через бушующую стихию:

Прочим скомандовал: прыгайте сами!
Прыгнули зайцы мои, — ничего!
Только уселась команда косая,
Весь островочек пропал под водой.
«То-то! — сказал я, — не спорьте со мной!
Слушайтесь, зайчики, деда Мазая!»

Эта картина использует горацянскую метафору «государства-корабля» и ее многочисленные трансформации в литературе, в том числе русской¹¹. Обращение к горацянскому топосу подсвечивает социально-политическую интенцию стихотворения, а также объясняет готовность Мазая увидеть в зайцах «команду» и узнать в них сословные типы (например, в зайчихе он видит «купчиху»). Разумеется, метафора не предполагала прямого уподобления Мазая монарху (такое прочтение было бы просто смешным), однако символически задавала идею разумной власти для всякого, кто ей наделен.

Литературный канон, школьная педагогика и научный курс не заметили экономического аспекта поведения Мазая. Текст традиционно воспринимается как история о добром отношении к окружающему миру и «меньшим братьям». Однако и такое прочтение необходимо заострить: в русской литературе «Дедушка Мазай» оказался — пусть в какой-то мере случайно, вопреки авторской интенции — одним из ранних знаковых и влиятельных произведений, в котором была предложена перспективная модель отношения к диким животным. Далее мы рассмотрим, как в «Дедушке Мазая» благодаря работе с разными дискурсами возникли экологические идеи, а потом обратимся к влиянию стихотворения Некрасова на детскую литературу.

Сотворение экологии: «Дедушка Мазай» в работе с дискурсами о природе

Поскольку дальше мы будем говорить об экологии, необходимо задать историческую рамку¹². В истории отношений человека с окружающим миром выделяются две системы: прото-экологическая и экологическая. Прото-экологическая этика под-

разумеает сочувственное отношение к природе, которое при этом отказывает окружающему миру в автономности: он существует для человека, осмысливается в человеческих категориях и нуждается в точечном проявлении нашей гуманности. Экологическим же можно назвать такое отношение к природе, при котором окружающий мир не существует исключительно для человека, а все живые существа наделяются специфической субъектностью — их желания не совпадают с желаниями людей, и человек обязуется это учитывать. В рамках экологической модели, однако, по-разному решается вопрос о допустимости участия людей в жизни природы. Современная экология, о которой мы не будем далее говорить, мучительно ищет баланс между требованием полного невмешательства и нашей ресурсной зависимостью от окружающего мира.

Эта же диалектика в какой-то мере определяла экологические воззрения русских интеллектуалов второй половины XIX в. — переходного времени, когда западный мир перестраивал свои взгляды на природу, чтобы в новом веке прийти к понятным нам сейчас экологическим моделям. В то время в России сформировалось несколько соседствующих и конкурирующих дискурсов об отношениях человека и природы (идет ли речь об использовании лесных ресурсов или же об охоте)¹³. Часть из этих дискурсов не пережила свою эпоху, другая органически влилась и во многом определила конфигурацию современных взглядов на окружающий мир. В самых общих чертах можно сказать, что «Дедушка Мазай» входил в число последних и предложил один из наиболее прогрессивных вариантов гуманного отношения к животным для своего времени. Его экология не исключает человека из природного мира. Хотя человек остается потребителем (например, продолжает есть зайцев), он как самое рациональное существо внутри природы становится ее регулятором и защитником.

Некрасовский «Дедушка Мазай» был создан под влиянием вне-литературных дискурсов: охотничьего, биологического, просвещенческого, общественного и др. Благодаря такой многосоставности текст в своем экологическом аспекте оказался экспериментальным и новаторским.

Поскольку Мазай — охотник, необходимо определить место его поступка в конгломерате противоречивых охотничьих практик и традиций. Мы не претендуем на то, чтобы исчерпывающе описать всю созданную к 1871 г. охотничью литературу, наша задача — выделить ключевые проблемы, имеющие прямое отношение к сюжету стихотворения.

В XIX в. существовало два типа охоты: дворянская, элитарная форма досуга, «спорт», в терминологии эпохи, и промысловая, приносящая крестьянам деньги или средства к существованию. Эти два типа охоты противопоставлены друг другу как в плане отношения к добыче, так и в плане самих способов: дворяне и крестьяне пользуются разным оружием, считают допустимыми разные методы убоя зверей [Радкау 2014, Гл. II, § 2; Гл. V, § 4–5; Helfant 2006].

Вместе с тем охота в России была областью мужской солидарности, в рамках которой социальные границы размывались. См., например, знаменитую сцену охоты в «Воине и мире», где крепостной ловчий — без каких-либо последствий — «грозит поднятым арапником» старому графу Ростову, своему хозяину [Толстой X, 251]¹⁴. При этом социальное единение было неравным: крестьяне и дворовые люди участвовали в дворянских охотничьих забавах, но элите, разумеется, были чужды крестьянские промыслы. В пореформенной России, когда реконфигурировались отношения между социальными стратами, два типа охоты вступили в еще более интенсивное взаимодействие.

Для крестьян качество заячьей охоты определялось объемом добычи. Отсюда — специфическая этика, не допускающая ни жалости к зверю, ни восхищения им. В отличие от Мазая, реальные крестьяне не упускали возможности использовать природные катаклизмы для извлечения выгоды. Профессиональный охотник А. А. Черкасов в этнографическом опусе (1867) об охотничьих промыслах Сибири описывал обычную для крестьян весеннюю охоту. Перед пахотой для расчистки земель они поджигали луга и кустарники, что приводило к лесным пожарам (так называемым «палам»). Крестьянские охотники пользовались этим, чтобы массово убивать зайцев:

Весною во время палов, когда огонь ходит повсюду, здешние промышленники, заметя, что пал подошел... и огонь охватил уже чащу, ...салятся где-нибудь на видные места, до которых огонь еще не добрался, и караулят зайцев. Зайцы же, слыша шум огня, треск сучьев и охваченные дымом, выбегают из лесу и кустарника, набегают на охотников и попадают под выстрелы. <...> Их можно убить несколько штук в очень непродолжительное время, потому что огонь при ветре идет скоро, и зайцы выбегают один за другим, только успевай стрелять [Черкасов 1867, 675].

Приведенная цитата иллюстрирует отношение к животным, проявившееся и в «Дедушке Мазе», — односельчане героя поль-

зуются весенним паводком для охоты. Отметим, что уничтожать зайцев таким образом не просто жестоко, но и экологически вредно: охота в период размножения серьезно угрожает популяции (с 1763 г. в России действовал указ, запрещающий охотиться с 1 марта по 29 июня, то есть в период размножения животных; см. [Старцев 2015]). В глазах образованного дворянина это было вполне очевидным. Так, например, С. Т. Аксаков осуждал промышленных охотников, массово истреблявших животных (в том числе зайцев) [Helfant 2006]¹⁵. Представления Аксакова о варварском характере крестьянской охоты, по всей видимости, были достаточно распространены во второй половине XIX в. [Helfant 2018, 105]. В «Дедушке Мазае» можно видеть и отражение этой точки зрения (односельчане героя истребляют тонущих зайцев), и полемику с ней в образе главного героя.

Дворянская охота, не имевшая экономического смысла, но приносившая участникам тонкое статусное удовольствие, была обставлена массой ритуалов и правил, от очевидных (нужно содержать собак, следить за оружием и т. п.) до более сложных. Так, Л. П. Сабанеев, автор знаменитого «Охотничьего календаря» (1892) и других посвященных охоте публикаций, рекомендовал спортсменам-охотникам зимой забирать куропаток домой и откармливать их до весны, потому что обильные снегопады блокировали птицам доступ к пище и вели к их гибели [Сабанеев 1892, 3–4]¹⁶. Важно, что за этой трогательной заботой стояло желание обеспечить интересную охоту, а помощь животному не противоречила стремлению к его последующему спортивному убийству. Хотя дворяне не отказывались от убийства животных, их стремление ритуализировать охоту с учетом природных циклов, как и ее спортивный (не промысловый) характер предстают в современной перспективе симптомами прото-экологической этики. Эти симптомы обнаруживаются, например, у Аксакова, страстного любителя охоты и вместе с тем — человека, поэтизирующего природу и по своему заботящегося о ней [Helfant 2006].

Похожие взгляды мы обнаруживаем и у самого Некрасова. В статье «Журнал охоты и коннозаводства» (Отечественные записки. 1869. № 4) поэт выразил свои взгляды на промысловую охоту. Она представлялась ему варварским обычаем. Погоня за выгодой — «всякая убитая дичь дает деньгу» — ведет к исчезновению зверей, а с ними и охоты: «Можно предсказать наверно, что недалеко время, когда от теперешних обильных результатами охот останется одно воспоминание, а от такой дичи, как лоси и олени, сохранят-

ся одни легенды». На этом фоне симпатию Некрасова вызывают «довольно правильно» организованные охотничьи общества, «у которых есть свои правила и уставы для ведения охот, значительно опередившие существующие у нас законы об охоте» [Некрасов XI/2, 273]. Несложно заметить, что эти прото-экологические взгляды в художественной форме представлены в разбираемом стихотворении (вплоть до базовой антитезы гуманного и негуманного охотника).

В «Дедушке Мазае» Некрасов модифицирует дворянские представления о природе: для героя охота не спорт, но и варварские промысловые методы он не использует. Поэт наделяет своего персонажа усовершенствованной элитарной охотничьей этикой, но совершает важный сдвиг, сделав ее носителем простого крестьянина. Детское стихотворение, таким образом, возвращало социальной элите ее же собственные практики, обогащенные социальной символикой, о которой мы писали в предыдущем разделе статьи.

Наделяя Мазаю экологическим сознанием в широком смысле, Некрасов ориентировался не только на охотничьи представления своего круга, но и на современную ему науку. В 1860-е гг. биология обосновала необходимость бережного отношения к природе. Эволюционный дискурс (книга «Происхождение видов» вышла в 1859 г. и быстро стала популярной в России, породив плеяду последователей Ч. Дарвина) открыл исторические трансформации живых организмов и указал на опасность исчезновения отдельных видов. Автором понятия «экология» был последователь Дарвина Э. Геккель. В России слово «экология» впервые прозвучало в 1869 г. в брошюре «Учение об органических формах, основанное на теории превращения видов». Автор ее неизвестен, но текст, по сути, был отредактированным биологом И. И. Мечниковым конспектом двухтомного сочинения Геккеля [Новиков 1980, 82].

1860-е гг. вообще были отмечены большим количеством научных публикаций — оригинальных и переводных — о животных и о природе. В частности, в 1866 г. был издан перевод книги Дж. Марша «Человек и природа, или О влиянии человека на изменения физико-географических условий природы». В ней утверждалась необходимость введения общих норм пользования природой, поскольку из-за действий человека дикие животные находятся под угрозой, а неконтролируемая охота приводит не только к падению численности зверей и птиц, но и к исчезновению многих видов [Новиков 1980, 87–99; Weiner 2000, 8]. В 1865 г. в Петербурге было открыто «Российское общество покровительства животным», цель

которого заключалась в облегчении участи живых существ. «Общество» поначалу заботилось только о животных в городах, не занимаясь дикими зверями, однако, как показал Я. Хельфант, ближе к концу века его члены стали выступать против нелегальных и жестоких способов охоты ([Зосимовский 1890]; о законодательных аспектах защиты животных см. подробнее: [Nelson 2010; Helfant 2018, 104–112]).

Нельзя не отметить, что всплеск экологической деятельности в России пришелся на конец XIX в., и стихотворение Некрасова в этом контексте оказалось ранним и опережающим свое время. Таким образом, «Дедушка Мазай» встраивался в конгломерат разных дискурсов о животных и на их основе синтезировал новый, в рамках которого охота не противоречит заботе об окружающем мире.

С нашей точки зрения, не менее важно обратить внимание на те дискурсы, проникновение которых в стихотворение о русском крестьянине и его бытовых практиках было ожидаемо, но которые Некрасов отсек, вероятно, не обнаружив в них ресурсов для адекватного изображения отношений человека и окружающего мира. Начать следует с фольклора, который в глазах интеллигенции был прочно связан с народной темой и воспринимался как резервуар народных ценностей. Такую связь между народом и фольклором Некрасов охотно использовал в своей поэзии. Однако в «Дедушке Мазе» этот язык востребован лишь частично. Как показал Головин, фольклор используется для конструирования героя — необычного чудака. Во всем же, что касается отношений человека с окружающим миром, Некрасов избегает народных представлений и не наделяет ими Мазая. Так, показателен диалог героя и нарратора о лешем:

—А леший — «Не верю!
Раз в кураже я их звал-поджидал
Целую ночь, — никого не видал!»

Поэт наделяет Мазая скептическим умом — герой не верит в народную демонологию ни в состоянии «куража», ни после. Такое мировоззрение персонажа мотивирует экологический взгляд на природу и позволяет отсечь весь комплекс народных представлений о зайцах. В русском фольклоре, напомним, заяц предстает зооморфным образом черта, связан с нечистой силой и потому приносит несчастье [Сумцов 1891]¹⁷.

Некрасов также отказался от большей части литературной традиции, связанной с изображением животных. Поэтика «Дедушки Мазая» далеко уходит от басенного изображения зверей; не обращается текст и к европейской традиции социальной аллегории, в рамках которой то или иное животное соответствует характеру человека, его социальному или психологическому типу¹⁸. У Некрасова зайцы не разговаривают, не размышляют, а все их поведение во время наводнения объясняется естественными биологическими инстинктами.

Таким образом, Некрасов с его «Дедушкой Мазаем» наряду с биологами и прогрессивно мыслящими интеллектуалами стоял у истоков экологического мышления в России. Подавляя литературную традицию, поэт выразил научные идеи в понятной и легко усваиваемой истории, способствуя формированию экологического воображения еще до массового распространения природоохранных практик.

Новаторство модели отношения к животным, предложенной Некрасовым детской аудитории, хорошо видно на фоне школьной литературы, еще одной специфической дискурсивной области. Например, учебники по естествознанию не знали характерного для «Дедушки Мазая» гуманного отношения к животным. В известной учебной книге К. Д. Ушинского (1823–1870) «Детский мир и Хрестоматия» в разделе о зайце сказано, что он поедает культурные растения, хотя бороться с ним и не предлагается; заяц по вредности занимает промежуточное положение между белками и откровенными паразитами — мышами и крысами [Ушинский IV, 79–80]¹⁹. В опубликованном в один год с «Дедушкой Мазаем» учебнике барон Н. А. Корф учил не любоваться зайцами, а истреблять их:

Весною заяц ест яровые всходы, а летом жалует на огород, где лакомится репою и капустою. Как все грызуны, заяц очень быстро размножается; от одной пары зайцев, считая внуков, может за один год народиться до 150 зайцев. Вот теперь мы можем сказать, истреблять ли зайца, или любоваться им? Охота на зайцев выгодна, потому что мясо его дает очень вкусное жаркое, мех его идет на шубы, а шерсть его на тонкий шляпный войлок. Спасибо охотнику за то, что он преследует зайца, которого ловят также ласки, хори и хищные птицы; а то заяц мог бы прожить лет 10. Сколько бы за это время наплодилось зайцев и сколько бы они сделали вреда в поле, в саду, на огороде и в лесу [Корф 1871, 90]²⁰.

В очень близких по воспитательной прагматике и синхронных по времени текстах Некрасова и Корфа предлагались диаметрально-

но противоположные взгляды. В одном тексте заяц трактовался как вредный паразит, в другом — как лесной сосед, заслуживающий сочувствия и помощи. Учитывая дальнейшее развитие взглядов на природу, некрасовский подход оказался более прогрессивным.

Литературные хрестоматии обильно снабжали детей текстами о взаимоотношении человека и животных. Учебные тексты брались из разных областей: это могли быть как фрагменты литературных произведений для взрослых (например, отрывки из «Записок охотника» И. С. Тургенева или басни И. А. Крылова), так и сочинения педагогов, написанные специально для изучения в классах. В огромном количестве текстов самых разных хрестоматий, возможно, найдутся примеры экологического отношения к животным, но они заведомо менее влиятельны, чем «Дедушка Мазай»²¹. Как правило, дикие животные вне сказочного или басенного жанрового режима преподносились детям в качестве объектов охоты и источника пищи. Оставляя за рамками статьи различные пореформенные хрестоматии, обратимся лишь к книгам для чтения, составленным Ушинским. Так, например, в издании «Детский мир и Хрестоматия» был напечатан фрагмент из «Записок охотника» под названием «Ермолай и его Валетка». В нем предлагался портрет традиционного охотника, не испытывающего никаких сентиментальных чувств к своим жертвам [Ушинский IV, 654–655].

Контрастный, на первый взгляд, пример обнаруживается в хрестоматии «Родное слово». В переведенном с немецкого очерке охотники спасают зайца от лисы и забирают его домой [Ушинский VI, 137–138]²². Как и у Некрасова, рассказ ведется из реалистической перспективы. Вместе с тем в очерке жалость к зайцу, во-первых, не связана с хозяйственным расчетом: живой заяц — необязательный бонус к охоте на лису. Во-вторых, эта жалость не сулит ничего хорошего самому животному: в отличие от Мазая, мальчик-охотник хочет не помочь зайцу, а получить забавную и редкую игрушку. Напротив, экология, в том аспекте, который мы обнаруживаем в «Дедушке Мазае», проявляется в любви к животным без присвоения; эта любовь не требует предварительного одомашнивания зверя.

Устойчивость требования относиться гуманно к домашним питомцам, характерная для детских книг XIX в., объясняется большей близостью прирученных животных к человеку и необходимостью постоянного взаимодействия с ними. Здесь можно вспомнить хрестоматийные и менее известные сейчас сочинения: см. повесть «Черная курица» (1829) А. Погорельского, рассказ «Бедный Гнедко» (1841) В. Ф. Одоевского, повести «Жучка» (1857) и «Приключе-

ние Пони, эмского осла» (1852) М. Ф. Ростовской (об этих текстах см. в основательной книге с указанием дальнейшей литературы: [Хеллман 2016]). Напрашивается вывод, что и на фоне детской литературы Некрасов совершил важный сдвиг. Он не просто распространил требование гуманности на лесных зверей, но и наделил животное субъектностью без традиционной в детском дискурсе антропологизации: 'я получаю удовлетворение от того, что, оказав помощь животному, я даю ему ту форму свободы, которое оно само предпочтет в своей естественной среде обитания'.

«Дедушка Мазай» в литературном каноне: утраты и приобретения

«Дедушка Мазай» быстро вошел в школьный и дошкольный литературный канон и в качестве важного произведения о гуманном отношении к животным дожил до сегодняшнего дня²³. Однако встраивание произведения в канон сопровождалось занятым процессом: оно лишилось новаторского статуса и стало восприниматься как «рядовое», как одно из большого множества сходных по теме произведений. Это произошло потому, что экологическая программа Некрасова была быстро подхвачена детской литературой, а ее автор превратился в человека, поэтически оформляющего общие места. В заключительном разделе статьи мы рассмотрим, как это произошло.

К концу XIX — началу XX вв. экологическое движение в России заметно расширилось. Новый статус окружающего мира и новые типы взаимодействия с ним показательно и, как ему свойственно, радикально отразил Толстой. Хорошо известно, что он стал вегетарианцем и отказался от охоты, порицая любое убийство животных²⁴. Писатели стали чаще адресовать детям сочинения об окружающей природе и ее обитателях²⁵. «Дедушка Мазай» удачно соотносился с экологическим трендом. Так, показательно, что в 1899 г. по мотивам стихотворения была выпущена детская настольная игра [Костюхина 2013, 637].

Еще в конце 1890-х гг. «Дедушка Мазай» вошел в школьные хрестоматии и, судя по базе данных А. В. Вдовина, неоднократно включался в школьные программы в 1900–1910-е гг.²⁶ В советское время стихотворение Некрасова также входило в школьную программу; оно фиксируется в обязательных списках для чтения 1921, 1927 и 1928 гг. [Malygin 2012, Anhang 3, Lehrplānetabelle, без пагинации на «Некрасов Н. А.»]. Однако для процесса канонизации текста не менее важна издательская практика. В советскую эпоху

Рис. 4. Обложки типовых изданий «Дедушки Мазая» на национальных языках республик СССР

«Дедушка и Мазай» неоднократно печатался в специальных книгах с грифом «для школьного чтения», «для детей дошкольного и младшего школьного возраста» и пр., в том числе и в переводе на национальные языки советских республик. Издания сопровождалось красочными обложками и иллюстрациями (Рис. 4) и выходили огромными тиражами²⁷. Если судить по таким книгам, в советское время «Дедушка Мазай» был переориентирован на самую младшую читательскую аудиторию, и поэтому все те сложные педагогические смыслы, о которых мы писали в первых разделах статьи, не имели шансов на выживание.

Когда некрасовские педагогические установки были нейтрализованы, стихотворение стало чисто «экологическим», начало рассказывать маленьким читателям о необходимости заботиться о диких животных. Однако этим проблемы некрасовского текста не ограничились. В экологической сфере к моменту начала широкой советской канонизации «Дедушки Мазая» у текста уже было много конкурентов. Эти произведения были созданы позже стихотворения Некрасова и, возможно, под его влиянием, однако для последующих читателей, заведомо не интересовавшихся историко-литературной перспективой, это оказалось совершенно не важным.

Среди этих текстов обнаруживаются произведения о зайцах, которые тематически перекликаются с «Дедушкой Мазаем».

Интересным случаем учета открытий стихотворения Некрасова является многократно переизданный (1-е изд. — 1886) рассказ А. М. Сливичко «Белячок» [Сливичкий 1916]. В произведении лесной сторож Григорий принес Сереже, сыну барина, в подарок зайца. Животное поселили дома, и мальчик пытался его приручить, тогда как взрослые испытывали к нему неприязнь. Череда доставленных зайцем неудобств (он портил мебель и одежду, съел важное письмо) привела к тому, что зайца «выселили» в садик, откуда вскоре зверь сбежал на волю. Повесть заканчивается сценой псовой охоты, в которой Белячок чудом выжил.

В этой истории Сливичкий затрагивает целый ряд экологических вопросов. Во-первых, он проблематизирует феномен одомашнивания. Рассказ недвусмысленно говорит о том, что зайцу как дикому животному не место в доме и что приручению он не поддается. Сценарий переводного очерка из хрестоматии Ушинского, о котором мы писали выше, здесь подвергается критике: из дикого животного невозможно сделать «игрушку» и даже полноценным домашним питомцем он никогда не станет. Это хорошо понимает Мазай, даже не пытающийся «подружиться» со спасенными им зайцами (несмотря на то, что он говорит с ними и даже берет на несколько дней в избу самых слабых). В отличие от Некрасова, который сразу описывает позитивную экологическую модель, Сливичкий двигается от обратного и на примере «отрицательного» сценария приходит к экологии, наглядно демонстрируя, что с природой невозможны односторонние отношения.

Во-вторых, в рассказе Сливичкого вслед за «Дедушкой Мазаем» проблематизируется феномен охоты. У Некрасова, напомним, гуманное отношение к диким зверям и охота естественно дополняют друг друга и зависят от природных обстоятельств. Сливичкий, познакомив детей с Белячком и заставив почувствовать к нему симпатию, заканчивает сказку охотничьей сценой, в которой зайчику угрожает смертельная опасность. Хотя текст не содержал прямой инструкции, его пафос был направлен против охоты как таковой. Мы видим, что рассказ Сливичкого содержит более радикальную экологическую программу, чем вдохновивший его «Дедушка Мазай».

Проблема domestikации, вернее ее невозможности, объединяет произведение Сливичкого с рассказом Н. Н. Каразина «Петька-зайчик» (1895). В нем сын лесника приносит домой раненого охотниками зайца и выхаживает его до весны, когда окрепшее животное убегает в лес. Петьке жалко потерять друга, но отец

успешно убеждает его в абсурдности идеи привязать зайца к дому: «Чего плачешь? Ты вот его от смерти спас, выходил, на ноги поставил. Что же ты его в батраки, что ли, себе прочил? <...> Зайцу воля нужна, ну, ты и не препятствуй!» Вскоре Петька серьезно заболевает. Отчаявшиеся родители уже не ждут выздоровления сына, но мальчик чудом выживет: переломным моментом становится сон, в котором ребенок превращается в подстреленного зайца, которого также чудесным образом спасают. Обрадованные родители видят здесь божий промысел [Каразин 1912, 55–68]. Так рассказ причудливо сочетал экологическую тему с идеей христианской веры в божественное милосердие. Для нас однако важнее первая часть, в советское время издававшаяся в качестве самостоятельного рассказа о природе (вся «религиозная часть», соответственно, отсекалась). Как и у Некрасова, у Каразина помощь попавшему в беду зайцу не предполагает, что он превратится в игрушку, друга или даже домашнего питомца.

До сих пор мы писали о текстах, настолько близких тематически к некрасовскому шедевру, что можно предполагать прямую зависимость. Но вообще надо сказать, что в детской литературе конца XIX — начала XX вв. проблема одомашнивания и охоты решалась сходным образом в произведениях, посвященных отношениям человека с другими животными, например, с медведями или волками (см.: [Сливицкий 1888; Круглов 1899]; см. также: [Costlow 2010; Helfant 2018, 112–126]). Особая роль здесь принадлежит Д. Н. Мамину-Сибиряку, чрезвычайно популярному и на рубеже веков, и в советское время писателю, который, в сущности, монополизировал тему животных в детской литературе [Чехов 1909, 132; Маслинская 2019]. Именно канонизация Мамина-Сибиряка в наибольшей степени сместила позиции «Дедушки Мазая», а потому творчество писателя заслуживает пристального взгляда.

Мамину-Сибиряку удалось то, что не вполне получилось у Некрасова. Если в «Дедушке Мазая» предлагался реалистический, как бы объективный взгляд на природу, почти исключаящий психологизацию животных и какую-либо сентиментальность, то в рассказах Мамина-Сибиряка повышенная эмоциональность синтезировалась с новыми взглядами на природу. Писатель нашел способ соединить традиции детской литературы, механизмы детского восприятия и актуальную для конца XIX в. экологическую тему.

Так, в ряде рассказов герои отказываются от убийства животных. В рассказе «Богач и Еремка» (1904) спасший и выходивший зайца сторож так привязался к зверю, что, выпустив его на волю, на-

всегда отказался от охоты. Емеля-охотник отправляется на поиски олененка для больного внука (тот очень хочет живого олененка); однако, встретив олениху с детенышем, решает не стрелять в них, испытав сильнейший прилив жалости («Емеля-охотник», 1884). Герой другого текста вместо того, чтобы подстрелить оставшуюся на зимовку в полынье утку со сломанным крылом, спасает ее от лисы и забирает домой в подарок внукам («Серая шейка», 1893). Старый сторож-рыбак Тарас спасает от охотников молодого лебедя, который еще не научился летать («Приемыш», 1893). Как и Мазай, эти герои относятся к пожилым маргиналам, однако в отличие от Некрасовского героя за их поведением не стоит никакой хозяйственной программы.

Рассказы писателя касаются и проблемы одомашнивания. Герои Мамина-Сибиряка либо сразу отказываются брать животное домой, либо, как у Сливицкого и Каразина, взяв, убеждаются в неосуществимости приручения. В «Емеле-охотнике» герой решает не брать олененка домой. В «Богаче и Еремке» и «Приемыше» проявляется одинаковый сценарий: герои на время оставляют дома неопытное и несчастное животное, привязываются к нему, но вынуждены смириться с инстинктивным стремлением зверя убежать и вернуться в естественную для него среду.

Исключением является рассказ «Серая шейка», в котором старик забирает утку домой и надеется, что она станет домашней. Однако этот рассказ, во-первых, остается с открытым финалом, а во-вторых, отличается психологизацией животного в сказочном духе — в тексте утка думает, как человек, и даже разговаривает с другими животными. Этот рассказ отражает характерную закономерность: чем больше в тексте психологизации и сказочной традиции, тем менее проблемным предстает одомашнивание зверя. Характерно, что во всех остальных произведениях сказочной психологизации нет, нарративный режим — реалистический, и потому одомашнивание невозможно.

Даже не прибегая к сказочной антропологизации животных, Мамин-Сибиряк изображает их с большей, чем у Некрасова, эмоциональностью. Это не прямая, а опосредованная психологизация, как бы перевод: нарратор описывает не сознание животных, а сознание человека, который не может понимать зверей в категориях, отличных от его собственных. См., например, в финале «Приемыша»: «В последний-то раз отплыл от берега... и как, братец ты мой, крикнет по-своему. Дескать: „Спасибо за хлеб, за соль!..“» [Мамин-Сибиряк 1958, 74].

Такая психологизация предполагает сильную интимизацию отношений человека и зверя, большую, чем это было у Некрасова. Мазай и менее настойчиво психологизирует зайцев, и легче с ними расстается. Такая дистанция позволяет Некрасову задать реалистический и более прогрессивный взгляд на природу, но при этом уменьшает воздействие текста на аудиторию, лишая ребенка сильного эмоционального отклика. У Мамина-Сибиряка, напротив, экологическая проблематика дается фоном, а на первый план выходят взаимоотношения человека и животного, и это, надо полагать, одна из причин, обеспечившая славу писателю в детском литературном каноне.

В свете детских рассказов Мамина-Сибиряка «Дедушка Мазай» утратил свое новаторство и стал восприниматься как еще один текст о любви к природе, тогда как его сложная концепция природы заметно упростилась. В каком-то смысле именно Мамин-Сибиряк, чьи детские произведения в советское время печатались в детских книжках исключительно часто и большими тиражами²⁸, банализировал новаторское стихотворение Некрасова.

Разумеется, в этом процессе банализации участвовал не только Мамин-Сибиряк. Так, например, в мультфильме 1980 г. «Дедушка Мазай и зайцы» (реж. Г. М. Тургенева) некрасовский текст сокращается: опускаются все эпизоды, в которых герой характеризуется как охотник (в том числе и зловещее финальное напутствие Мазая зайцам). В то же время видеоряд усиливает заботу Мазая об окружающей среде, добавляя эпизоды, которых нет в стихотворении: герой подкармливает зайцев зимой морковью, а во время наводнения спасает еще и ежика, совершенно бессмысленного с охотничьей точки зрения. Таким образом, советский мультфильм, двигаясь в том же направлении, что и школьный канон, превратил некрасовское сочинение в упрощенный экологический манифест (Рис. 5).

Итак, «Дедушка Мазай» как сильный текст культового поэта в свое время открыл для детской литературы новый тип разговора об окружающем мире, однако он, как мы старались показать, быстро утратил пальму первенства. Произведение Некрасова вдохновило многих последующих писателей (прежде всего, Мамина-Сибиряка), однако сложная педагогическая и экологическая концепция «Дедушки Мазая», по сути, больше не повторялась — из нее воспроизводилась только наиболее очевидная проблематика. Хотя в исторической перспективе Некрасов оказался реформатором детской литературы, мы не хотим сказать, что он преобразил ее полностью. Так, наряду с экологической линией Некрасова и

Рис. 5. Кадры из мультфильма «Дедушка Мазай и зайцы» (реж. Г. Тургенева, 1980)

Мамина-Сибиряка, а далее — К. Г. Паустовского, М. М. Пришвина, В. В. Бианки, всегда существовала и другая, более консервативная и традиционная. Например, судя по популярности у советских читателей произведений Б. С. Житкова, в которых, напомним, зверей убивают на охоте, не мучаясь совестью, стоит признать, что охотничья и приключенческая словесность показала свою устойчивость к новаторским экологическим требованиям.

В самом начале статьи мы говорили о работе канона по упрощению смыслов текста. В постсоветское время школьный фольклор, который пародийно отражает эту работу, переместился в интернет. По поиску на «Мазай и Герасим» в сети обнаруживается большое количество мемов — юмористических картинок, травестийно соединяющих сцену спасения зайцев из стихотворения Некрасова со сценой расправы над собакой из не менее каноничной повести Тургенева «Муму» (Рис. 6). Например, на одном борту лодки Герасим топит зайцев, а на другом — Мазай их спасает; или тонущие зайцы надеются, что к ним в лодке плывет Мазай, но оказывается, что это Герасим и т. д. Эти мемы соединяют канонические тексты только на основе самых известных и мотивно близких сцен (вода, лодка, угроза гибели животного), но отсекают их многослойную и не похожую друг на друга проблематику. Можно сказать, что в этом ироничном упрощении обнажаются механизмы работы канона вообще.

В заключение позволим себе задаться вопросом: что случай «Дедушки Мазая» объясняет в механизмах трансляции идей и в истории дискурсов? По всей видимости, наивное представление о возникновении новой дискурсивной области сводится к тому, что писатель/политик/ученый мощным интеллектуальным усилием создает новый язык для осмысления реальности. Отсюда возникает соблазн

Рис. 6. Юмористический коллаж из обложек «Дедушки Мазая» и «Муму». Источник: https://pikabu.ru/story/klassika_6917130

найти первоначальную «точку запуска» и героя-первооткрывателя. Текст Некрасова смещает такую перспективу. Как мы старались показать, экологическая проблематика возникает в нем как побочный эффект от комбинаторики элементов других языков, которые понадобились поэту, в первую очередь, не для разговора об окружающем мире, а для трансляции детям эффективной хозяйственной модели в новых пореформенных условиях. «Дедушка Мазай», с нашей точки зрения, в принципе иллюстрирует одну из возможных траекторий возникновения новых дискурсов: часто они возникают не в результате целенаправленных усилий, а являются удачной (а также отчасти случайной) пересборкой прежде существовавших языков.

Чем случай «Дедушки Мазая» полезен для историка литературы и историка идей? Двигаясь к истоку того или иного идеологического, литературного или научного феномена, мы должны приготовиться к встрече не с «исходной точкой», а с таким событи-

ем, в рамках которого анализируемый дискурс возникает на стыке прежних, более традиционных. Иными словами, ретроспективное аналитическое движение может приводить нас не к фокусировке, а к расфокусировке смыслов. Мы также должны быть готовы к тому, что сам мастер, порождающий важный и узловый текст для дальнейшей традиции, часто руководствуется намерениями, которые впоследствии самой традицией не учитываются и в заслугу автору не ставятся. Между тем, внимательное чтение текста позволяет освободиться от давления канона и увидеть в тексте и следы тех целей, которые мог преследовать автор, и те противоречия, которые традиция не смогла сгладить и однозначно реинтерпретировать. Отсюда — та смутная тревога, которую мы испытываем, когда пытаемся объяснить, почему же дедушка Мазай в финале «экологического», как мы считаем, стихотворения угрожает зайцам убить их зимой, в сезон охоты.

Примечания

- ¹ Первая публикация статьи: Fedotov A., Uspenskij P. Nature, Hares, and Nikolay Nekrasov: The Poetics and Economics of Russian Ecocriticism // The Russian Review. 2021. Vol. 80, no. 3. Pp. 473–496. Русскоязычный вариант статьи печатается с разрешения издательства «John Wiley and Sons» в дополненном и переработанном виде. Выражаем признательность рецензенту журнала «Детские чтения» за глубокие и полемические замечания.
- ² Укажем также на статью, в которой «Дедушка Мазай» бегло рассматривается в широком контексте изображения зайцев в русской литературе — [Богданов 2016]. Несмотря на богатый фактический материал, статья дескриптивна и не пересекается с кругом интересующих нас проблем.
- ³ См. также более развернутую аргументацию в: [Головин 2012, 67–77].
- ⁴ Далее «Дедушка Мазай» цитируется по этому изданию без дополнительных ссылок.
- ⁵ Впервые цикл детских стихов, куда входил «Дедушка Мазай», был напечатан под одной обложкой уже после смерти поэта: [Некрасов 1881]. Отметим, что изначально Некрасов планировал издание книги для детей совместно с М. Е. Салтыковым-Щедринным, но замысел не был реализован. См.: [Макеев 2009, 194–213].
- ⁶ Речь идет об уже зрелом, сложившемся идеологически и социально Некрасове. На всякий случай напомним, что осенью в 1842 г., еще до начала славы Некрасова как лирика и издателя, поэт работал гувернером в пансионе Г. Ф. Бенецкого [Летопись I, 119–120].
- ⁷ О «Железной дороге» см.: [Макеев 2009, 202–206; Макеев 2004].

- ⁸ См. в этой связи позднее стихотворение, обращенное к учителям, — «Сеятелям» [Некрасов III, 180].
- ⁹ Правдоподобие такой ситуации с точки зрения этологии мы оставляем за рамками нашей работы.
- ¹⁰ Русская литература отдала должное такому типу помещика: он проматывает состояние в Париже или Петербурге, а в деревню приезжает только за очередной порцией денег. Конечно, были и исключения. См., например, хозяйственную программу А. А. Фета: [Фет 2001].
- ¹¹ См., например, раздел «„Государство-корабль“: история одной метафоры», составленный из нескольких статей за авторством Н. Н. Казанского и Э. Д. Фролова, в кн.: [Багно 2010, 72–140].
- ¹² Более подробный терминологический аппарат, на который мы отчасти опираемся, см.: [Радкау 2014]. В исследовании предложена полноценная история мировой экологии; наши соображения имеют дополняющий характер, поскольку Радкау почти не пишет о России.
- ¹³ О разных аспектах истории экологических представлений в России см.: [Новиков 1980; Costlow, Nelson (ed.) 2010; Costlow 2013; Helfant 2018].
- ¹⁴ Подробнее об охоте в романе Толстого в выбранной перспективе см.: [Helfant 2018, 9–32].
- ¹⁵ Вполне сочувственный портрет зайца, которому угрожают все (от хищников до охотников), создан Аксаковым в очерке «Зайцы» из «Записок ружейного охотника Оренбургской губернии». Примечательно, что очерк был включен в известную хрестоматию для детского чтения Басистова, см.: [Басистов 1870, 231–233]. О хрестоматиях см. далее.
- ¹⁶ О Сабанееве и его разнообразной деятельности, а также прото-экологических взглядах см.: [Cavender 2017].
- ¹⁷ В культуре обнаруживаются и более плотные фольклорные сопоставления с ситуацией, описанной в «Дедушке Мазае». Согласно авторитетному этнологу А. Н. Афанасьеву, которого поэт внимательно читал и публиковал в своих журналах, «на Руси существует поверье, что плывя по воде не должно поминать зайца, потому что этого не любит водяной и осердившись подымает бурю» [Афанасьев 1865, 643–644]. Как мы видим, в «Дедушке Мазае» проявляются те же элементы, что и в поверье, однако сам Мазай поступает обратным образом по отношению к предлагаемым традицией инструкциям. Очевидно, что на уровне поэтики Некрасов блокирует эти и другие фольклорные ассоциации. Нелюбовь Некрасова к сказочной фантастике вообще и в детских стихах в частности отмечал еще Корней Чуковский. См.: [Чуковский 1962, 528–529].
- ¹⁸ См., например: [Сцены... 2015], а также сопроводительную статью в этом издании — [Мильчина 2015].
- ¹⁹ В собрании сочинений Ушинского, на которое мы ссылаемся в этой статье, книга педагога приводится по последнему прижизненному изданию (1870), предшествующему «Дедушке Мазаю».

- ²⁰ Утилитарный взгляд на зайца вообще типичен для школьного естествознания первой половины XIX в. Ср. с переводным изданием: [Мильн 1839, 313–320]. Ср., впрочем, с более миролюбивым взглядом А. М. Дараган: [Дараган 1849, 127–129].
- ²¹ Хрестоматии составляют огромный библиографический корпус. В нашу задачу не входит сколько-нибудь полная его характеристика. См. подробнее: [Вдовин, Лейбов 2013].
- ²² Как и «Детский мир и Хрестоматия», «Родное слово» неоднократно исправлялась и дополнялась Ушинским на протяжении 1860-х гг. Каноническим считается издание 1871 г., последнее, над которым работал автор.
- ²³ Между тем работ о Некрасове в имперском и советском школьном каноне практически нет. См. значимое исключение: [Герасимова, Макеев 2014].
- ²⁴ См. о решении не охотиться письмо жене от 28 окт. 1884: [Толстой LXXXIII, 446]. См. также: [Горький 1986, 178]. Ср. с рассказом А. В. Жиркевича, относящимся к 1890 г., о встрече писателя с крестьянами, застрелившими зайца: «...попались нам два мужичка-охотника с убитыми зайцами-беляками. Мужичкам, видимо, было известно, что Лев Николаевич против убийств животных. Они, увидев его и меня, не знали куда деваться и спрятали зайцев за спину. <...> А Толстой его прямо уже спрашивает: „Зайчик?.. Зайчика убили?“ — „Да, видите ли, Лев Николаевич, — стал оправдываться тот, — и сам не знаю, как со мной случилось... Что же станешь делать. Иду с ружьем. Тут выскочил этот самый заяц... Уж не знаю опять, как и что... Только стрельнул... А он и готов, значит, свалился...“ — „Ведь есть не будешь, — спрашивает укоризненно Толстой. — Одно, значит, озорство... Нехорошо! Нехорошо...“» [Жиркевич 1990, 174]. См. также памфлет толстовца В. Г. Черткова «Злая забава» (1890) и его анализ в книге Хельфанта: [Helfant 2018, 99–103].
- ²⁵ См., например: *Авенариус В. П.* Сказка о Муравье-богатыре. Изд. 7-е. Санкт-Петербург, 1912 (1-е изд. — 1883); *Богданов М. Н.* Мирские захребетники. Очерки из быта животных, селящихся около человека. Изд. 18-е. СПб., 1913 (1-е изд. — 1884); *Богданов М. Н.* Из жизни русской природы: зоологические очерки и рассказы. Изд. 3-е. СПб., 1897 (1-е изд. — 1889); *Бостром А. Л.* Как Юра знакомится с жизнью животных. Рассказы о животных и их жизни. Для маленьких детей. Изд. 5-е. М., 1916 (1-е изд. — 1907).
- ²⁶ База данных доступна по ссылке: <https://www.ruthenia.ru/document/551820.html>; мы пользуемся несколько расширенной версией, любезно предоставленной составителем. Первое вхождение — в изданной в Киеве в 1894 г. хрестоматии «Сказки (киевское слово)». В свете нашей темы важно, что «Дедушка Мазай» под заглавием «Зайчики» вошел в 1905 г. в популярную книгу для

чтения: [Козьмин 1905]. Стихотворение также входило в разные хрестоматии других авторов в 1901, 1909, 1911 и 1915 гг.

- ²⁷ См., например, несколько книг крупного государственного детского издательства «Детгиз»: *Некрасов Н. А. Дедушка Мазай и зайцы*. [Для детей младшего возраста]; рисунки Н. Н. Куприянова. М., 1934; *Некрасов Н. А. Дедушка Мазай и зайцы и другие стихи: Для дошкольного возраста*. Рис. А. Широкова. М., 1942; *Некрасов Н. А. Дедушка Мазай и зайцы*: [Для дошкольного и младшего школьного возраста]. Рисунки Д. Шмаринова. М., Л., 1949 и др. Перечислять все издания стихотворения в детских книгах не имеет смысла; обширный список этих изданий см. в каталоге РГБ по поиску на название произведения: <https://search.rsl.ru/>
- ²⁸ См. в каталоге РГБ (search.rsl.ru) по поиску на имя автора. Следует обратить внимание на внушительное количество изданий в сериях для школьных библиотек, «для детского чтения» и проч.

Литература

Источники

- Афанасьев 1865* — Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. I. М.: Изд-е К. Солдатенкова, 1865.
- Басистов 1870* — Басистов П. Е. Для чтения и рассказа: Хрестоматия для употребления при преподавании русского языка. Курс 1. Изд. 9-е. М.: бр. Салаевы, 1870.
- Белинский I-XIII* — Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: АН СССР, 1953–1958.
- Горький 1986* — Горький М. Литературные портреты. Минск: Нар. асвета, 1986.
- Дараган 1849* — Дараган А. М. Естественная история животных, рассказанная для детей. СПб: Изд. В. Исакова, 1849.
- Жиркевич 1990* — Жиркевич А. В. Три встречи с Толстым // Знамя. 1990. № 11. С. 169–190.
- Зосимовский 1890* — Зосимовский З. В. Исторический очерк деятельности Российского общества покровительства животным, со дня его основания, 4-го октября 1865 г., по 1891 год, или за 25 лет его существования. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1890 (на обл. 1891).
- Каразин 1912* — Каразин Н. Мои сказки. 2-е изд. СПб.: Изд. А. Ф. Девриена, 1912.
- Козьмин 1905* — Козьмин К. Русская хрестоматия: Для городских и уездных училищ. Курс 1–2. Изд. 21-е. М.: Наследники бр. Салаваевых, 1905.

Корф 1871 — Корф Н. А. Наш друг: Книга для чтения учащихся в школе и дома и руководство к начальному обучению родному языку. СПб.: Изд. Д. Е. Кожанчикова, 1871.

Круглов 1899 — Круглов А. Приключения Мишки Топтыгина. СПб.: Е. В. Лаврова и Н. А. Попов, 1899.

Мамин-Сибиряк 1958 — Мамин-Сибиряк Д. Н. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 10: Легенды; Рассказы и сказки для детей; Автобиографическая записка; Воспоминания; Избранные письма. М.: Правда, 1958.

Мильтн 1839 — Мильтн-Эдвардс А. Начальные основания зоологии, или уроки, содержащие в себе анатомию, физиологию, классификацию и нравы животных. Ч. 2. / Соч. Мильтня Эдвардса. М.: тип. Августа Семена при Мед.-хирург. акад. 1839.

Некрасов I–XV — Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Л., СПб.: Наука, 1981–2000.

Некрасов 1881 — Некрасов Н. А. Некрасов русским детям: иллюстрированное издание А. А. Буткевич. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1881.

Писарев 2003 — Писарев Д. И. Школа и жизнь // Писарев Д. И. Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 7. М.: Наука, 2003. С. 394–468.

Сабанеев 1892 — Сабанеев Л. П. Охотничий календарь: Справочная книга для ружейных и псовых охотников. 2-е изд. М.: А. А. Карцев, 1892.

Сливицкий 1916 — Сливицкий А. М. Белячок. 7-е изд. М.: типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1916.

Сливицкий 1888 — Сливицкий А. М. Разоренное гнездо: Рассказ для детей младшего возраста. 2-е изд. М.: тип. Е. Г. Потапова, 1888.

Сумцов 1891 — Сумцов Н. Ф. Заяц в народной словесности // Этнографическое обозрение. 1891. № 3. С. 69–83.

Сцены... 2015 — Сцены частной и общественной жизни животных. Этюды современных нравов / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. В. Мильчиной. М.: Новое литературное обозрение, 2015.

Толстой I–XC — Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М., Л.: Гос. изд., 1928–1958.

Ушинский I–XI — Ушинский К. Д. Собрание сочинений: в 11 т. М., Л.: Изд-во Академии педагогических наук, 1948–1952.

Фет 2001 — Фет А. А. Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство: [Очерки]. М.: Новое литературное обозрение, 2001.

Черкасов 1867 — Черкасов А. Записки охотника восточной Сибири (1856–1863). СПб.: Изд. С. В. Звонарева, 1867.

Чехов 1909 — Чехов Н. В. Детская литература. М.: «Польза» В. Антик и К^о, 1909.

Шелгунов, Шелгунова, Михайлов 1967 — Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания: в 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1967.

Исследования

Багно 2010 — Русская судьба крылатых слов / отв. ред. В. Е. Багно. СПб.: Наука, 2010.

Богданов 2016 — Богданов К. А. Фауна морали: Русские классики и русские зайцы // Новое литературное обозрение. 2016. № 4 (140). С. 96–119.

Вдовин 2024 — Вдовин А. В. Загадка народа-сфинкса: Рассказы о крестьянах и их социокультурные функции в Российской империи до отмены крепостного права. М.: Новое литературное обозрение, 2024.

Вдовин, Лейбов 2013 — Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон / ред. А. В. Вдовин, Р. Г. Лейбов. Тарту: Tartu University Press, 2013. (Acta Slavica Estonica IV. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение IX).

Герасимова, Макеев 2013 — Герасимова К. А., Макеев М. С. Стихотворение Н. А. Некрасова «Школьник» и проблема «демократизации» канона в русской школе 1860-х годов // Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон / ред. А. В. Вдовин, Р. Г. Лейбов. Тарту: Tartu University Press, 2013. (Acta Slavica Estonica IV. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение IX). С. 188–202.

Головин 2014 — Головин В. В. Николай Некрасов как детский писатель: проект главы учебника // Детские чтения. 2014. № 1 (5). С. 218–236. URL: <https://detskie-chtenia.ru/index.php/journal/article/view/115>.

Головин 2012 — Головин В. В. Не любо — не слушай: небылица о Мазае — Мюнхгаузене // Детские чтения. 2012. № 1 (1). С. 67–77. URL: <https://detskie-chtenia.ru/index.php/journal/article/view/5/4>.

Костюхина 2013 — Костюхина М. С. Детский оракул: по страницам настольно-печатных игр. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

Кравецкий, Плетнева 2001 — Кравецкий А. Г., Плетнева А. А. История церковнославянского языка в России (конец XIX — XX в.). М.: Языки русской культуры, 2001.

Красильников 2002 — Красильников Г. В. «...Да помянут нас добрым словом» (Материалы к истории школы в селе Абакумцево) // Карабиха: историко-литературный сборник. Ярославль, 2002. Вып. 4. С. 262–267.

Летопись I–III — Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова: В 3 т. СПб.: Наука, 2006–2009.

Лучкина 2021 — Лучкина О. А. Формирование канона литературы для детей в критике 1860–1880-х гг.: дисс.... канд. филол. наук: 10.01.01 / Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом). СПб., 2021.

Макеев 2004 — Макеев М. С. Мертвые души вдоль железной дороги: о «фиктивной» датировке и одном источнике замысла «Железной дороги» Н. А. Некрасова // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2004. № 4. С. 24–36.

Макеев 2009 — Макеев М. С. Николай Некрасов: Поэт и предприниматель. Очерки о взаимодействии литературы и экономики. М.: МАКС Пресс, 2009.

Маслинская 2019 — Маслинская С. Г. Почему Д. Н. Мамин-Сибиряк стал главным детским писателем (к проблеме становления канона русской литературы) // Детские чтения. 2019. № 1 (15). С. 9–25. DOI: <https://doi.org/10.31860/2304-5817-2019-1-15-9-25>.

Мильчина 2015 — Мильчина В. А. Питомцы Эццеля и Гранвиля // Сцены частной и общественной жизни животных (этюды современных нравов) / вступ. ст., пер. и комм. В. Мильчиной. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 5–52.

Немзер 2011 — Немзер А. С. Канон Жуковского в поэзии Некрасова // Пушкинские чтения в Тарту 5: Пушкинская эпоха и русский литературный канон: К 85-летию Ларисы Ильиничны Вольперт: в 2 ч. Ч. 2. Тарту: Tartu University Press, 2011. С. 442–463.

Новиков 1980 — Новиков Г. А. Очерк истории экологии животных. Л.: Наука, 1980.

Паперно 1996 — Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский — человек эпохи реализма. М.: Новое литературное обозрение, 1996.

Радкау 2014 — Радкау Й. Природа и власть: всемирная история окружающей среды. М.: Издательский дом ВШЭ, 2014.

Рейтблат 2009 — Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2009.

Сергиенко 2015 — Сергиенко И. А. Концепции педагогической критики XIX века в истории изучения детской литературы // Детские чтения. 2015. № 2 (8). С. 76–94. URL: <https://detskie-chtenia.ru/index.php/journal/article/view/181>.

Старцев 2015 — Старцев А. В. Государственное регулирование охотничьего промысла в России в XVIII — начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 400. С. 152–156. DOI: [10.17223/15617793/400/25](https://doi.org/10.17223/15617793/400/25).

Хеллман 2016 — Хеллман Б. Сказка и быль: история русской детской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

- Чуковский 1962* — Чуковский К. И. Мастерство Некрасова. 4-е изд. М.: Гослитиздат, 1962.
- Эйхенбаум 2009* — Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой: исследования, статьи. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009.
- Brooks 2003* — Brooks J. When Russia Learned to Read. Literacy and Popular Literature, 1861–1917. Northwestern University Press, 2003.
- Cavender 2017* — Cavender M. W. Hunting in Imperial Russia: State Policy and Social Order in L. P. Sabaneev's Writing // *The Russian Review*. 2017. Vol. 76, Issue 3. Pp. 484–501. DOI: 10.1111/russ.12140.
- Costlow 2010* — Costlow J. T. “For the bear to come to your threshold”: Human-Bear Encounters in Late Imperial Russian Writing // *Other Animals: Beyond the Human in Russian Culture and History* / ed. by J. T. Costlow, A. Nelson. University of Pittsburgh Press, 2010. Pp. 77–94.
- Costlow 2013* — Costlow J. T. Heart-Pine Russia Walking and Writing the Nineteenth-Century Forest. Ithaca: Cornell University Press, 2013.
- Costlow, Nelson 2010* — *Other Animals: Beyond the Human in Russian Culture and History* / ed. by J. T. Costlow, A. Nelson. University of Pittsburgh Press, 2010.
- Fudge 2002* — Fudge E. A Left-Handed Blow: Writing the History of Animals // *Representing Animals. Theories of Contemporary Culture* / ed. by N. Rothfels. Bloomington: Indiana University Press, 2002. Pp. 3–18.
- Helfant 2018* — Helfant I. The Savage Gaze: Wolves in the Nineteenth-Century Russian Imagination. Boston: Academic Studies Press, 2018.
- Helfant 2006* — Helfant I. S. T. Aksakov: The Ambivalent Proto-Ecological Consciousness of a Nineteenth-Century Russian Hunter // *Interdisciplinary Studies in Literature and Environment*. 2006. Vol. 13, no. 2. Pp. 57–71. DOI: 10.1093/isle/13.2.57.
- Malygin 2012* — Malygin E. Literatur als Fach in der sowjetischen Schule der 1920er und 1930er Jahre: zur Bildung eines literarischen Kanons. Bamberg: University of Bamberg Press, 2012.
- Nelson 2010* — Nelson A. The Body of the Beast: Animal Protection and Anticruelty Legislation in Imperial Russia // *Other Animals: Beyond the Human in Russian Culture and History* / ed. by J. T. Costlow, A. Nelson. University of Pittsburgh Press, 2010. Pp. 95–112.
- Ogden 2013* — Ogden A. J. Peasant Listening, Listening to Peasants: Miscommunication and Ventriloquism in Nekrasov's “Komu na Rusi zhit' khorosho” // *The Russian Review*. 2013. Vol. 72, issue 4. Pp. 590–606. DOI: 10.1111/russ.10708.
- Pravilova 2014* — Pravilova E. A Public Empire: Property and the Quest for the Common Good in Imperial Russia. Princeton: Princeton University Press, 2014.

Weiner 2000 — Weiner D. R. *Models of Nature: Ecology, Conservation and Cultural Revolution in Soviet Russia*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2000.

References

Bagno 2010 — Bagno, V. E. (Ed.). (2010). *Russkaja sud'ba krylatyh slov* [Russian Destiny of Winged Words]. Saint Petersburg: Nauka.

Bogdanov 2016 — Bogdanov, K. A. (2016). *Fauna morali: Russkie klassiki i russkie zajcy* [The Fauna of Morality: Russian Classics and Russian Hares]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 4(140), 96–119.

Brooks 2003 — Brooks, J. (2003). *When Russia Learned to Read. Literacy and Popular Literature, 1861–1917*. Northwestern University Press.

Cavender 2017 — Cavender, M. W. (2017). *Hunting in Imperial Russia: State Policy and Social Order in L. P. Sabaneev's Writing*. *The Russian Review*, 76(3), 484–501. DOI: 10.1111/russ.12140.

Chukovskij 1962 — Chukovskij, K. I. (1962). *Masterstvo Nekrasova* [The Mastery of Nekrasov] (4 ed.). Moscow: Goslitizdat.

Costlow 2010 — Costlow, J. T. (2010). “For the bear to come to your threshold”: Human-Bear Encounters in Late Imperial Russian Writing. In J. T. Costlow, A. Nelson (Eds.), *Other Animals: Beyond the Human in Russian Culture and History* (pp. 77–94). University of Pittsburgh Press.

Costlow 2013 — Costlow, J. T. (2013). *Heart-Pine Russia Walking and Writing the Nineteenth-Century Forest*. Ithaca: Cornell University Press.

Costlow, Nelson 2010 — Costlow, J. T., Nelson, A. (Eds.) (2010). *Other Animals: Beyond the Human in Russian Culture and History*. University of Pittsburgh Press.

Fudge 2002 — Fudge, E. (2002). *A Left-Handed Blow: Writing the History of Animals*. In N. Rothfels (Ed.), *Representing Animals. Theories of Contemporary Culture* (pp. 3–18). Indiana University Press.

Gerasimova, Makeev 2013 — Gerasimova, K. A., Makeev, M. S. (2013). *Stihotvorenije N. A. Nekrasova “Shkol'nik” i problema “demokratizacii” kanona v russkoj shkole 1860-h godov* [The Poem “Schoolboy” by N. A. Nekrasov and the Issue of Canon ‘Democratization’ in Russian Schools of the 1860s]. In A. V. Vdovin, R. G. Lejbov (Eds.), *Hrestomatijnye teksty: russkaja pedagogicheskaja praktika XIX v. i pojeticheskij kanon* [Textbook texts: 19th century Russian pedagogical practice and the poetic canon] (pp. 188–202). Tartu: Tartu University Press (Acta Slavica Estonica IV).

Golovin 2014 — Golovin, V. V. (2014). *Nikolaj Nekrasov kak detskij pisatel': proekt glavy uchebnika* [Nikolai Nekrasov as a Children's Writer: A Chapter

Project for a Textbook]. *Detskie chtenia*, 1(5), 218–236. Retrieved from: <https://detskie-chtenia.ru/index.php/journal/article/view/115>.

Golovin 2012 — Golovin, V. V. (2012). Ne ljubo — ne slushaj: nebylica o Mazae — Mjunhgauzene [Not Willing? Don't Listen: The Myth of Maze — Munchausen]. *Detskie chtenia*, 1(1), 67–77. Retrieved from: <https://detskie-chtenia.ru/index.php/journal/article/view/5/4>.

Helfant 2018 — Helfant, I. (2018). *The Savage Gaze: Wolves in the Nineteenth-Century Russian Imagination*. Boston: Academic Studies Press.

Helfant 2006 — Helfant, I. (2006). S. T. Aksakov: The Ambivalent Proto-Ecological Consciousness of a Nineteenth-Century Russian Hunter. *Interdisciplinary Studies in Literature and Environment*, 2 (13), 57–71. DOI: 10.1093/isle/13.2.57.

Hellman 2016 — Hellman, B. (2016). *Skazka i byl': Istoriya russkoy detskoj literatury (1574–2010)* [Fairy tales and true stories: the history of Russian literature for children and young people (1574–2010)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Jejhenbaum 2009 — Jejhenbaum, B. M. (2009). *Lev Tolstoy: issledovaniya, stat'i* [Leo Tolstoy: research, articles]. Saint Petersburg: Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU.

Kostjuhina 2013 — Kostjuhina, M. S. (2013). *Detskij orakul. Po stranicam nastol'no-pechatnyh igr* [Child Oracle: Through the Pages of Board Games]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Kraveckij, Pletneva 2001 — Kraveckij, A. G., Pletneva A. A. (2001). *Istorija cerkovnoslavjanskogo jazyka v Rossii (konec XIX — XX v.)* [The History of Church Slavonic Language in Russia (Late 19th — 20th Century)]. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury.

Krasil'nikov 2002 — Krasil'nikov, G. V. (2002). “...Da pomjanut nas dobrym slovom” (Materialy k istorii shkoly v sele Abakumcevo) [“...May They Remember Us with Kind Words” (Materials on the History of the School in the Village of Abakumtsevo)]. In *Karabiha: istoriko-literaturnyj sbornik* [Karabikha: historical and literary collection]. (Vol. 4; pp. 262–267). Jaroslavl'.

Letopis' I–III — *Letopis' zhizni i tvorcestva N. A. Nekrasova: V 3 t.* (2006–2009) [Chronicle of the Life and Work of N. A. Nekrasov: In 3 Volumes]. Saint Petersburg: Nauka.

Luchkina 2021 — Luchkina, O. A. (2021). *Formirovanie kanona literatury dlja detej v kritike 1860–1880-h gg.* Diss. na soiskanie uch. stepeni kand. filol. nauk [The Formation of the Literary Canon for Children in Criticism of the 1860s–1880s]. (Doctoral dissertation). The Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg.

Makeev 2004 — Makeev, M. S. (2004). *Mertvye dushi vdol' zheleznoj dorogi: o “fiktivnoj” datirovke i odnom istochnike zamysla “Zheleznoj dorogi”*

N. A. Nekrasova [Dead Souls Along the Railroad: On the “Fictitious” Dating and a Source of Inspiration for N. A. Nekrasov’s “The Railroad”]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 9. Filologija, 4, 24–36.

Makeev 2009 — Makeev, M. S. (2009). Nikolaj Nekrasov: pojet i predprinimatel'. Oчерki o vzaimodejstvii literatury i jekonomiki [Nikolai Nekrasov: Poet and Entrepreneur. Essays on the Interaction of Literature and Economics]. Moscow: MAK S Press.

Malygin 2012 — Malygin, E. (2012). Literatur als Fach in der sowjetischen Schule der 1920er und 1930er Jahre: zur Bildung eines literarischen Kanons. Bamberg: University of Bamberg Press.

Maslinskaya 2019 — Maslinskaya, S. (2019). Pochemu D. N. Mamin-Sibirjak stal glavnym detskim pisatelem (k probleme stanovlenija kanona russkoj literatury) [Why D. N. Mamin-Sibirjak Became the Leading Children’s Writer (On the Issue of Establishing the Canon of Russian Literature)]. *Detskie chtenia*, 1(15), 9–25. DOI: 10.31860/2304-5817-2019-1-15-9-25.

Mil’china 2015 — Mil’china, V. (2015). Pitomcy Jetcelja i Granvilja [Hetzel and Grandville’s Pupils]. In V. Mil’china (transl.), *Sceny chastnoj i obshhestvennoj zhizni zhivotnyh*. Jetjudy sovremennyh nravov [Scènes de la Vie privée et publique des Animaux] (pp. 5–53). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Nelson 2010 — Nelson, A. (2010). The Body of the Beast: Animal Protection and Anticruelty Legislation in Imperial Russia. In J. T. Costlow, A. Nelson (Eds.), *Other Animals: Beyond the Human in Russian Culture and History* (pp. 95–112). University of Pittsburgh Press.

Nemzer 2011 — Nemzer, A. S. (2011). Kanon Zhukovskogo v poezii Nekrasova [The Canon of Zhukovsky in the Poetry of Nekrasov]. In Pushkinskaja jepoha i russkij literaturnyj kanon: K 85-letiju Larisy Il’ichiny Vol’pert / Pushkinskie chteniya v Tartu 5: V 2 ch. Ch. 2 [The Pushkin era and the Russian literary canon: 85th anniversary of Larisa Ilinichna Volpert. In 2 vols.] (Vol. 2; pp. 442–463). Tartu: Tartu University Press.

Novikov 1980 — Novikov, G. A. (1980). Oчерk istorii jekologii zhivotnyh [Essay on the History of Animal Ecology]. Leningrad: Nauka.

Ogden 2013 — Ogden, A. J. (2013). Peasant Listening, Listening to Peasants: Miscommunication and Ventriloquism in Nekrasov’s “Komu na Rusi zhit’ khorosho”. *The Russian Review*, 72 (4), 590–606. <https://doi.org/10.1111/russ.10708>.

Paperno 1996 — Paperno, I. (1996). Semiotika povedenija: Nikolaj Chernyshevskij — chelovek jepohi realizma [Semiotics of Behavior: Nikolai Chernyshevsky — a Person of the Realism Era]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

- Pravilova 2014* — Pravilova, E. A. (2014). *Public Empire: Property and the Quest for the Common Good in Imperial Russia*. Princeton: Princeton University Press.
- Radkau 2014* — Radkau, J. (2014). *Priroda i vlast'. Vsemirnaja istorija okružhajušhej srede* [Natur and macht München: eine Weltgeschichte der Umwelt]. Moscow: Izdatel'skij dom HSE. (In Russian).
- Rejtblat 2009* — Rejtblat, A. I. (2009). *Ot Bovy k Bal'montu i drugie raboty po istoričeskoj sociologii russkoj literatury* [From Bova to Balmont and Other Works on the Historical Sociology of Russian Literature]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Sergienko 2015* — Sergienko, I. (2015). *Koncepcii pedagogičeskoj kritiki XIX veka v istorii izučenija detskoj literatury* [Concepts of Pedagogical Critique in the 19th Century in the History of Studying Children's Literature]. *Detskie čhtenia*, 2(8), 76–94. Retrieved from: <https://detskie-čhtenia.ru/index.php/journal/article/view/181>.
- Starcev 2015* — Starcev, A. V. (2015). *Gosudarstvennoe regulirovanie ohotnič'ego promysla v Rossii v XVIII — nachale XX v.* [State Regulation of Hunting Industry in Russia from the 18th to the Early 20th Century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 400, 152–156. 10.17223/15617793/400/25.
- Vdovin 2024* — Vdovin, A. V. (2024). *Zagadka naroda-sfinkska. Rasskazy o krest'janah i ih sociokul'turnye funkcii v Rossijskoj imperii do otneny krest'janstva* [The Enigma of the Sphinx People: Tales about Peasants and Their Socio-Cultural Functions in the Russian Empire Before the Abolition of Serfdom]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Vdovin, Lejbov 2013* — Vdovin, A. V., Lejbov, R. G. (Eds.) (2013). *Hrestomatijnye teksty: russkaja pedagogičeskaja praktika XIX v. i pojetičeskij kanon* [Textbook texts: 19th century Russian pedagogical practice and the poetic canon]. Tartu: Tartu University Press. (Acta Slavica Estonica IV).
- Weiner 2000* — Weiner, D. R. (2000). *Models of Nature: Ecology, Conservation and Cultural Revolution in Soviet Russia*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.

Andrey Fedotov, Pavel Uspenskij

Lomonosov Moscow State University; ORCID: 0000-0001-8196-5653,
HSE University; ORCID: 0000-0003-2356-3036

HOW NIKOLAY NEKRASOV TAUGHT RUSSIA TO LOVE
ANIMALS? *GRANDPA MAZAI AND THE HARES* IN THE LIGHT OF
ECOLOGICAL CRITICISM

This article analyzes two of the main aspects of Nikolay Nekrasov's poem for children, *Grandpa Mazai and the Hares* (1871) — the pedagogical and the ecological. The article demonstrates that this story about the rescue of hares during the spring flood, which is a standard selection in poetry readers in Russia, was intended as a graphic illustration of the “economic perspective” from which social elites viewed the Russian peasantry. But the story was so vivid and unusual that the economic aspect overshadowed the ecological issues. This article shows that this poem, addressed to children, was the first ecological text in Russian literature to posit a new type of attitude toward wild animals. Nekrasov's ecological model took shape in dialogue with a variety of discourses extant at the time – about education, biology, and hunting. The poet's work was elevated into the literary canon as an example of lyrics about “love for one's little brothers”. But its message was greatly simplified over time, as other writers who aimed their work solely at children adopted it and gradually transformed “Grandpa Mazai” into just one of many texts that advocated for the humane treatment of animals.

Keywords: Nikolay Nekrasov, 19th Century Russian Literature, “Grandpa Mazai and the Hares”, literature and ideology, animals in literature, ecocriticism, allegory, poetics, discourse analysis, history of hunting, children's literature, literary canon